

МОЙ
ПОЛКОВНИК

Я тебя (не) забуду! ♡

— Аня Вьёри —

Аня Вьёри

Мой Полковник. Я тебя (не) забуду

«Автор»

2026

Вьёри А.

Мой Полковник. Я тебя (не) забуду / А. Вьёри — «Автор», 2026

Большое поступление. Я выхожу встречать раненых и Мой муж. Мой Яр. Мой Буран. Он не должен быть здесь. Он не может быть здесь.— Света! — заводит делением хватает меня за плечи, — Ему нужна срочная операция! Ты можешь оперировать? Замираю. Медленно, но уверенно киваю:— Могу.— Тогда мойся. Немедленно. Другого сосудистого хирурга у меня нет! Я делаю шаг к операционному блоку. Как вдруг у самых дверей сзади с грохотом распахивается вход.— Ярослав! Женский голос. Молодой. Сорванный от крика.— Посторонним здесь находиться запрещено. Выйдите из коридора. — бросается к ней врач. Она дёргается, пытаюсь обойти его.— Я не посторонняя! Я своя! — почти визжит она. — Вы не понимаете! У нас с ним будет ребёнок!

© Вьёри А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мой Полковник. Я тебя (не) забуду

Глава 1

Квартира встречает меня тишиной.
Не просто отсутствием звуков.
Тишиной густой, тяжелой, застоявшейся. Такой, будто весь день она копилась здесь, за закрытой дверью, ждала именно меня, а теперь навалилась на плечи, едва я переступила порог.
Я машинально задерживаю дыхание.
Глупо.
Наверное, где-то внутри я всё ещё надеюсь услышать его голос.
Низкий. Спокойный. Чуть хриплый к вечеру.
— Светлячок, это ты?
И следом — тяжёлые шаги из комнаты.
Яр не ходит бесшумно. Даже босиком. С его ростом, шириной плеч. Когда он был дома, квартира словно становилась меньше. Уютнее. Теплее.
Но его нет.
Его который месяц тут нет.
Если точно, его тут нет девяносто восемь дней.
Через три часа настанет девяносто девятый.
И каждый из этих дней, словно невидимый штопор, прокручивается у меня в груди, наматывая на себя мои нервы, мои силы, мою боль.
Девяносто девять дней пустоты.
Яра тут нет.
А без него словно и нет смысла входить внутрь этого жилья.
Я медленно опускаюсь на банкетку у входа. Откидываюсь спиной, задевая вещи, закрываю глаза.
Как? Жить без него как?
Глубоко вдыхаю, пытаюсь сдержать подступающие слезы.
И вдруг... Его запах... Точно его! Словно он... Здесь?
Распахиваю глаза, оборачиваюсь и...
С опозданием понимаю, что упираюсь затылком в его куртку.
Старую пятнистую куртку, в которой он в гараж ходит.
Боже! Да она же вся пропахла им!
Стирать не дает.
"Чего ее стирать, я завтра снова запачкаю" – слышу его голос.
Слезы все же прорываются. С громким, некрасивым всхлипом. Стискиваю жесткую ткань, носом утыкаюсь, вдыхаю...
Дышу, надышаться не могу...
Ветров...
Ярушка. Яр!
Невыносимо без него.
Он всегда меня держал.
Молча, невыносимо нежно, трепетно держал.
У кого-то место силы горы или море. У меня – мой муж. Мой Ветер. Мой Буран.
Большой.
Сильный.
Могучий.

Герой. Лидер. Спаситель.
— Ты меня любишь? — спрашивала я шепотом
А Яр смотрел серьезно:
— Ты правда не знаешь?
— Знаю. Но хочу услышать.
— Люблю, Светлячок. — тяжело вздыхал мой Ветер.
— Сильно?
— Сильнее некуда.
Прижимался губами к тыльной стороне моей ладони мой Буран.
И шептал совсем тихо:
— Ты у меня одна.
Только одна.
И я верила ему. Как верили ему все, кто шёл за Бураном.
Это его позывной.
Буран.
Потому что считает все на своем пути.
Потому что сильный и надежный.
Потому что если он приходит, то накрывает всех. От Бурана нигде не спастись. Это знают все. По обе стороны фронта.
Потому что он там, где нет имен, где остались только позывные.
И оттуда редко - редко приходят короткие.
"Жив. Люблю".
"Не скучай. Люблю"
"Не будет связи дней пять. Люблю"
И я в ответ шлю ему "Люблю"...
Бесконечное количество раз.
"Люблю. Люблю. Люблю".
Потому что нельзя сказать ничего другого.
Потому что нельзя сказать, как тяжело спать в слишком большой и холодной кровати.
Потому что нельзя сказать, что я уже месяц не готовлю дома, потому что не могу есть одна за нашим столом.
Нельзя признаться, что иногда я захожу в ванную только ради того, чтобы увидеть его станок на полке.
Что иногда открываю шкаф и стою, прижавшись лицом к его рубашкам.
Что я боюсь звонков с незнакомых номеров.
Боюсь новостей.
Боюсь тишины.
Нельзя.
Поэтому просто "Люблю".
Мои всхлипы переходят в тихий вой. Потом у меня все же получается вздохнуть.
Потом я встаю. Все-таки встаю.
Снимаю куртку с вешалки и натягиваю на себя.
Она огромная.
Рукава закрывают пальцы.
Подол почти до колен.
Я тону в ней так же, как всегда тонула в его объятиях.
Яр любил укутывать меня собой.
Подходил сзади.
Обнимал.

Полностью закрывал руками.
Я скрещиваю руки, и будто обнимаю себя рукавами его куртки.
Будто его грудь за моей спиной.
Его дыхание в волосах.
Его ладони на моем сердце.
Так, наверное, проживу ещё один день.
Наверное, так смогу.
Я скидываю обувь. Мою руки. Почти рассерженно смотрю на очень большой холодильник. Он стал ненужным в этом доме без Яра.
Закрываю кухню и иду в постель.
Эта кровать, которая казалась маленькой, когда он ночевал дома...
Сейчас она кажется издевательски огромной.
Его куртка так и остается на мне.
Я стискиваю ее края, как котенок. Мну. Сжимаю в кулаке.
Сон не идет.
Я все смотрю и смотрю воспаленными глазами в ночной полумрак до боли знакомой комнаты. Будто если долго смотреть на подушку рядом, то на ней может вдруг показаться знакомый профиль.
Когда цифры на электронных часах меняются с двадцати трех на два нуля, я не выдерживаю и сажусь на постели.
Беру телефон.
Открываю сообщения.
Первым делом смотрю переписку с абонентом "Любимый"...
Новых нет.
Последнее мое не прочитано.
Эта одинокая галочка особенно сводит с ума.
Ну когда же?
Когда?
Я вдруг представляю его там.
Где-то в темноте.
В броне.
С оружием.
С тем самым спокойным лицом, от которого другим становится легче.
Представляю, как он идет впереди.
Как поднимает руку, останавливая своих.
Как смотрит в небо.
Как мгновенно принимает решение.
И мне становится нечем дышать.
Жмурюсь, закрываю диалог и открываю переписку с нашим начмедом.
Он сегодня на дежурстве.
Спит, скорее всего, но ничего. Утром прочтет.
"Сереж, ты говорил, нужны хирурги в полевые госпитали? Я согласна. Поеду. Точно."
И словно сделала что-то очень сложное, обессиленно роняю телефон.
И словно сделала что-то очень правильное, наконец-то засыпаю.

Глава 2

Я еду на войну.

Звучит нелепо.

Ездят на работу. В командировку. В гости. В отпуск.

На войну уходят.

Служить.

Родине, долгу, чести.

А я еду.

— Ты ему уже сообщила? — спрашивает Иринка.

Моя подруга. Мы работаем вместе в сосудистой хирургии. Она стоит рядом с автобусом, переминаясь с ноги на ногу, будто мёрзнет, хотя утро тёплое.

— Нет. Связи нет, — качаю головой.

И безбожно вру.

Потому что даже если бы связь была — не сообщила бы.

Я слишком хорошо знаю, что услышу.

«Ты всегда должна быть в безопасности, Светлячок. Всегда».

Он говорил это не раз.

Но особенно хорошо я помню один вечер.

В больнице загорелась проводка. Ничего серьёзного. Дым в одном крыле, эвакуация нескольких палат, короткое замыкание.

Я помогала выводить пациентов.

Телефон оставила в ординаторской.

Опомнилась я, когда в очередной раз вбежала в отделение и чуть не врезалась в Яра. Он каким-то образом прошёл внутрь и стоял посреди коридора — в форме, небритый, с таким лицом, что молчал даже заведомо.

О пожаре передали в новостях. И на моём телефоне было двадцать три пропущенных.

Яр осмотрел меня с головы до ног, вцепился в плечи и тихо произнёс:

— Ты всегда должна быть в безопасности, Светлячок. Всегда.

Его взгляд при этом был таким... Грозным. Но я то видела, что на самом деле Яр испугался.

Когда Яр боялся за меня, его взгляд становился тёмным и опасным.

И тогда я начинала думать, что позывной Буран ему дали не из-за фамилии.

Именно поэтому я молчу.

Если сообщу — найдёт способ остановить.

Прикажет.

Уговорит.

Сам приедет и заставит остаться дома, если понадобится.

— Света, — Иринка сжимает мою руку. — Ты точно решила?

— Точно.

В суете я собирала бумаги, подписывала документы, искала разрешения, сдавала анализы, слушала инструкции, половину из которых не запомнила.

Кто-то смотрел на меня как на героиню.

Кто-то — как на больную.

Кто-то и вовсе не смотрел.

Мне повезло.

Хирурги, особенно сосудистые, там на вес золота.

Меня даже не пытались отговаривать или задерживать.

И вот я сижу у окна в тесном автобусе, прижав сумку коленями, и смотрю, как за стеклом отступает мирная жизнь.

Пока она ещё почти неотличима от обычной.

Почта.

Магазины с яркими вывесками.

Остановки.

Редкие прохожие, которым совершенно не интересно, куда мы едем.

У женщины на обочине в одной руке пакет с продуктами, в другой — маленькая девочка в розовой куртке. Девочка прыгает через лужи, и мать сердито тянет её за руку.

Мужчина моет машин. Собака лежит у ворот.

И всё кажется обычным.

Если не смотреть дальше.

Туда, где рядом с дорогой земля взрыта воронками.

Где поперёк въезда в посёлок стоят металлические ежи.

Где каждый третий дом смотрит на дорогу пустыми глазницами выбитых окон.

Где-то далеко глухо бухает.

Я вздрагиваю.

Никто в автобусе даже не поднимает головы.

Возможно, через несколько дней я тоже перестану замечать такие вещи.

Или, наоборот, начну замечать особенно остро.

— Ветрова?

Я поворачиваюсь.

Через проход на меня смотрит мужчина лет пятидесяти в военной форме. Крупный, коротко стриженный, с усталым красным лицом. На коленях у него потёртая полевая сумка, которую он придерживает одной рукой даже во сне.

— Да?

— Не замёрзли?

Только сейчас понимаю, что сижу, плотно обхватив себя руками.

Нет.

Это не холод.

И даже не страх.

Это попытка удержаться.

Удержать себя.

Сделать то, что всегда делал он.

Тот, ради кого я здесь.

— Спасибо. Всё хорошо, — киваю с улыбкой.

Мужчина кивает.

Не верит, но не настаивает.

В автобусе нас двенадцать человек.

Три женщины-медика, включая меня. Двое молодых мужчин в гражданской одежде — кажется, инженеры или связисты. Остальные военные.

Они почти не разговаривают.

Кто-то дремлет, уронив подбородок на грудь. Кто-то смотрит в телефон. Молодой парень через два ряда от меня уже минут двадцать крутит на пальце обручальное кольцо.

Снимает.

Надевает.

Снова снимает.

Я отворачиваюсь.

На моей руке кольцо тоже есть.

Гладкое.
Широкое.
Яр выбирал сам.
Отмёл все варианты с камнями и рисунком.
— Светлячок, мы выбираем на всю жизнь, — поджал губы он. — На это мода пройдёт, —
взмахнул в сторону плетёных ободков. — А это, — указал на те, что выбрал сам, — навсегда.
— Значит, мы вместе навсегда? — спросила я тогда, кокетничая.
— В смысле? — обиженно удивился он. — А какие ещё варианты?
Для него их действительно не было.
Автобус подпрыгивает на камне, и я возвращаюсь в реальность.
Город остаётся позади.
Дома становятся ниже.
Потом исчезают совсем.
Вдоль дороги тянутся поля. Блеклые, неяркие, ещё не проснувшиеся после зимы. В низи-
нах стоит вода. Кое-где чернеет голая земля.
Небо огромное.
Серо-голубое.
Обычное.
Меня почему-то раздражает, что оно обычное.
Казалось, над дорогой на войну должно быть другое небо.
Тяжёлое.
Чёрное.
Изломанное.
Но облака лежат ровными пластами, и редкое солнце даже пробует пробиться между
ними.
Яр однажды сказал, что на войне хуже всего не страшное.
К страшному человек приспосабливается.
Хуже всего обычное.
— Представляешь, — говорил он, лёжа рядом со мной и глядя в потолок, — кругом
такое дерьмо, а вот берёт и совершенно обычно распускается сирень. Или берёза стоит. Тонкая,
красивая, вся в молодых зелёных листочках. Такая обычная.
Он произносил это с болью.
Почти со злостью.
Автобус замедляется.
Впереди блокпост.
Я узнаю его не сразу.
Сначала вижу бетонные блоки, поставленные поперёк дороги. Потом мешки с песком.
Маскировочную сетку. Мужчину с автоматом.
Он совсем молодой.
Господи, да ему лет двадцать.
Может быть, двадцать два.
На лице редкая светлая щетина. На бронежилете болтается мягкая игрушка — маленький
зелёный дракон.
Он проверяет документы у водителя, потом поднимается в салон.
— Документы приготовили.
Голос хриплый, взрослый.
Не соответствующий лицу.
Я протягиваю удостоверение и командировочное предписание.
Он смотрит сначала на фотографию, потом на меня.

— Врач?
— Хирург.
На секунду его лицо меняется.
Совсем немного.
Но я вижу.
Не уважение.
Облегчение.
Будто одним фактом своего приезда я уже сделала для него что-то важное.
Я смотрю на зелёного дракона на его бронежилете.
Наверное, подарок ребёнка.
Может быть, девушки.
Яр не носил на форме ничего лишнего.
Только однажды я обнаружила во внутреннем кармане его куртки маленькую фотографию.
Свою.
Не свадебную.
Не красивую.
Я сидела на кухне в растянутой футболке, с полотенцем на голове, держала кружку и смотрела в сторону, потому что даже не заметила, как он меня снял.
Фотография была потёрта по краям.
— Ты зачем это таскаешь?
Он отнял её слишком быстро.
— Низачем.
— Покажи.
— Уже видела.
— Я ужасно получилась.
— Нормально.
— У меня полотенце на голове!
— Я заметил.
— Можно было выбрать красивую фотографию.
Яр посмотрел на снимок.
Потом на меня.
— Эта красивая.
— Чем?
Он нахмурился, будто вопрос поставил его в тупик.
— Там ты дома.
Вот и всё.
Ему нужна была я дома. Ему нужен был дом.
Молодой боец спускается из автобуса.
Шлагбаум поднимается.
Мы едем дальше.
Тут людей почти нет.
Только редкие домишки с заклеенными скотчем окнами.
И бельё на верёвке.
Уже грязное от ветра.
Отчего-то становится жутко.
Сколько тут висит эта простыня?
Почему её никто не снял?
Я отворачиваюсь.

Но перед глазами всё равно остаётся серая от пыли ткань.
К зданию госпиталя подъезжаем быстро.
Оно рядом.
Вся жизнь здесь будто сгрудилась вокруг него.
Люди.
Машины.
Ящики.
Носилки у стены.
Кто-то курит возле входа. Кто-то тащит баллон. Кто-то бежит через двор в расстёгнутом халате.
Само здание низкое, серое, с заложенными мешками окнами первого этажа.
У входа генератор.
Гудит непрерывно.
Этот звук я запомню потом лучше многих голосов.
— Ветрова? — окликают меня. — Пройдемте. Вас разместят.
Меня селят в комнатухе с низенькой грузной женщиной.
Она ехала со мной в одном автобусе, но мы не разговаривали.
Там вообще пассажиры между собой почти не говорили.
Я только обратила внимание на её большие очки в толстой оправе.
Смешные.
Почти карикатурные.
И отчего-то очень милые.
— Людмила Панкратова, — кивком представляется женщина.
Она разбирает вещи.
Движения у неё чёткие, быстрые, продуманные.
— Вы тут не первый раз, да? — спрашиваю, садясь на койку.
— Третий, — коротко отвечается она, не оборачиваясь.
Повисает пауза.
Она разбирает вещи.
Я пытаюсь вдохнуть.
Воздух здесь другой.
Пахнет сыростью, пылью, лекарствами и дизелем.
— Страшно? — вдруг вырывается у меня.
— Сначала страшно, — кивает она.
— А потом?
— Потом некогда, — фыркает.
Наконец заканчивает с сумкой и оборачивается.
— Я анестезиолог, — улыбается грустно. — У меня тут очень много работы.
— Я сосудистый хирург, — отзываюсь тихо.
— Тоже без дела сидеть не будешь, — кивает Людмила.
Она спокойно, почти без любопытства смотрит, как я достаю вещи.
Бельё.
Зубную щётку.
Электронные часы.
Фотографию.
Яр на ней стоит у воды.
Высокий.
Широкоплечий.
С прищуром смотрит в объектив, будто терпит съёмку исключительно из любви ко мне.

Он красивый.
До невозможности.
Тяжёлой, взрослой, мужской красотой.
Такие мужчины не нуждаются в форме, звании или оружии, чтобы вокруг них менялось пространство.
— Муж? — спрашивает Людмила без улыбки.
— Муж, — киваю.
— И как отпустил? — хмыкает иронично.
— Никак, — пожимаю плечами. — Он тут.
Людмила вдруг замирает.
Лицо напрягается.
Брови сходятся в одну линию.
— Ветрова... Ветров... — перечисляет, словно вспоминает. — Буран, что ли?
— Буран, — киваю.
Мне странно произносить его позывной.
Для меня он Яр.
Ярушка.
Мой муж.
— Ох! — всплёскивает руками Людмила.
И резко, молча, без предупреждения встаёт и стискивает меня в объятиях.
Я замираю.
Жду.
Такое уже случалось.
Когда совершенно чужие женщины кидались мне на шею.
А я каждый раз улыбалась.
Благодарила.
Гордилась.
И думала только об одном.
А если однажды не выйдет он?
Кто вернётся за ним?
— Ты его знаешь? — спрашиваю у Людмилы.
— Наркоз ему не давала, но тех, кого он выносил, видела много, — кивает она. — Живыми.
— Да, — пытаюсь улыбнуться. — Он хороший.
— Хороший? Да на таких как он мы все и держимся! — торжественно восклицает Людмила.
И тут же берёт меня под руку, как близкую подругу.
— Пойдём. Я всё тебе тут покажу. И не смей стесняться, если тебе что-нибудь нужно, — строго воздевает палец. — Жена Бурана — это почти Буран.
Произносит она очень гордо.
И от этого почему-то смешно.
Я всё-таки улыбаюсь.
Первый раз с момента отъезда.
Идем с ней по отделению как Шерочка с Машерочкой. Будто нам лет по восемь и года три из этих восьми мы — лучшие подруги.
Да. На войне все по другому. Быстрее, ярче, сильнее. Даже дружба.
Где-то снаружи резко хлопает дверь.
По коридору быстро прокатывают носилки.
Людмила даже не оборачивается.

Процедурка, аптека, заставленная коробками, комнатуха, в которой кто-то спит прямо на кушетке, не снимая формы.

— Здесь перевязочная. Там операционная. Дальше лучше без надобности не ходить, там склад и технический выход. Кофе в ординаторской, но если увидишь чистую чашку — хватай сразу.

Она говорит быстро.

Я стараюсь запоминать.

Генератор гудит даже сквозь стены но, кажется, кроме меня его никто не слышит.

Где-то звякают инструменты.

Кто-то зовёт санитарку.

Из дальней палаты доносится короткий болезненный стон.

И вдруг навстречу выходит мужчина в хирургическом костюме.

Высокий.

Темноволосый.

Лет сорока.

На ходу снимает перчатки, бросает их в контейнер и поднимает глаза.

Сначала смотрит на Людмилу.

Потом на меня.

На мне его взгляд задерживается.

Чуть дольше, чем нужно.

— Заведующий отделением Максим Воронцов, — представляет его Людмила. — Наш главный спаситель и местный деспот.

— Не верьте ни тому, ни другому, — улыбается он.

Подходит ближе.

— Светлана Андреевна Ветрова, — говорит Людмила с явной гордостью. — Сосудистый хирург.

Что-то едва заметно меняется в его лице.

Улыбка становится какой-то другой.

Он медленно протягивает мне руку.

— Максим Воронцов.

— Светлана.

Его ладонь тёплая.

Пожатие уверенное.

Слишком долгим его не назовёшь.

Но руку он отпускает не сразу.

И смотрит на меня как-то странно.

Долгим, темным, манящим взглядом.

Не как на нового хирурга.

Он смотрит на меня, как на женщину.

.

Глава 3

— Давление пятьдесят на тридцать. Пульс сто сорок восемь. Сатурация девяносто два на маске. Сознание угнетено.

— Активируйте протокол массивной трансфузии. Эритроциты и плазму — в подогреватель. Кристаллоиды не лить, только на поддержание линии. Температуру непрерывно.

— Принято.

На мониторе скачет частая неровная линия. Манжета снова начинает надуваться на плече пациента, но я уже не смотрю на цифры.

Сейчас важнее то, что происходит у меня под руками.

— Зажим.

Протягиваю ладонь.

Инструмент ложится в неё сразу, кольцами точно в пальцы.

Хорошо.

Мы с Олей работаем вместе всего несколько суток, но она уже запомнила, как я подаю руку, куда ставлю отсос и что я попрошу следующим. Не переспрашивает. Не мечется между столиками. Не роняет взгляд на монитор всякий раз, когда меняется звуковой сигнал.

Здесь вообще быстро притираются друг к другу.

Слишком быстро.

Иначе нельзя.

Либо через несколько поступлений команда начинает двигаться как один организм, либо человек просит перевести его подальше от операционной.

Я накладываю сосудистый шов.

Тонкая нить проходит через повреждённую стенку артерии. Ещё один стежок. Ещё.

— Давление шестьдесят два на тридцать восемь, — сообщает Людмила из-за ширмы. — Частота сто тридцать четыре. Первая доза эритроцитов почти закончилась.

— После неё плазму. И повторите ионизированный кальций, как только лаборатория даст возможность.

— Уже отправила.

Я затягиваю нить.

На несколько секунд ослабляю сосудистый зажим.

По восстановленному участку проходит кровь. Шов остаётся сухим.

— Кровоток есть. Смотрим дистальный пульс.

Оля проверяет.

— Появился.

— Закрываем.

Никто не вздыхает с облегчением.

Здесь не принято радоваться раньше, чем пациент передан в реанимацию, а дверь за каталкой закрылась.

К тому же следующий уже ждёт.

Я снимаю перчатки. Они с влажным чавканьем выворачиваются наизнанку. Кожа на пальцах белая и сморщенная, на запястьях глубокие следы от резинок.

— Ветрова, ты сегодня спала? — настигает меня в коридоре голос Воронцова.

Я останавливаюсь.

Пытаюсь вспомнить.

— Не знаю.

И это совершенно честный ответ.

Я не помню, где закончился вчерашний день и начался сегодняшний. Здесь время не течёт часами. Оно разрезано сиренами, поступлениями, операциями и короткими промежутками тишины между ними.

Здесь нет утра.

Нет вечера.

Нет даже нормального дежурства.

Есть время до поступления.

Есть само поступление.

И есть несколько минут после, когда можно вымыть руки, сделать глоток холодного кофе и понять, что стоишь на ногах уже дольше суток.

— До следующего борта ориентировочно сорок минут, — говорит Максим. — Иди в ординаторскую. Хотя бы полчаса полежи.

— В третьей палате промокла повязка.

— Я посмотрю.

— Там сосудистый шов.

— Я умею осматривать повязки, Светлана.

— Если кровит...

— Позову тебя.

Я смотрю на него.

Воронцов выглядит не лучше меня. Под глазами серые тени. На виске глубоко прорезалась полоска от шапочки.

— Максим...

— В ординаторскую.

Он не повышает голоса.

И именно поэтому спорить бессмысленно.

Я не военная, но быстро поняла здешний порядок. Воронцов отвечает за отделение. За то, чтобы операционные не оставались без хирургов. За то, чтобы мы не падали лицом в открытую брюшную полость от усталости.

Здесь забота редко звучит мягко.

Чаще как приказ.

— Есть, — киваю я.

Максим сразу разворачивается и идёт в третью палату.

— Приглядывает он за тобой, — замечает Людмила, выходя из операционной следом.

— Он следит, чтобы сосудистый хирург не умер раньше пациентов.

— За остальными он так по коридору не бежит.

— Люда.

Она поднимает обе ладони.

— Молчу.

Вот и правильно.

Мне сейчас совершенно неинтересно, почему Воронцов задерживает на мне взгляд и почему всегда знает, сколько часов я не спала.

В моей жизни уже есть мужчина.

Не «мужчина вообще».

Яр.

И рядом с ним для меня никогда не существовало других.

Разворачиваюсь к ординаторской.

Иду медленно, потому что после остановки особенно отчётливо чувствую ноги. Икроножные мышцы сводит. Поясницу ломит. Голова гудит в такт генератору.

Но первым делом я иду не к дивану.

К сумке.
Телефон лежит во внутреннем кармане.
Я достаю его ещё до того, как сажусь.
Связь появилась на одну полоску.
Открываю сообщения.
Ничего.
Под последним по-прежнему одна галочка.
Как будто сообщение упёрлось в невидимую стену и не может пройти дальше.
Три дня.
Три дня я спрашиваю о нём каждого, кого привозят с их направления.
— Бурана видели?
— Полковник Ветров был с вами?
— Когда его подразделение выходило на связь?
Кто-то видел его две недели назад.
Кто-то слышал позывной в эфире.
Один раненый уверял, что два дня назад Буран лично вытаскивал их машину из-под обстрела.
Я собрала эти обрывки в голове, как хирург собирает анамнез.
Неделю назад — жив.
Три дня назад — вышел на связь.
Два дня назад — был на ногах.
Недостаточно.
Но лучше, чем ничего.
Я нажимаю вызов.
Несколько секунд телефон молчит.
Потом механический голос сообщает:
— Абонент временно недоступен...
Отключаю.
Набираю снова.
Тот же ответ.
Третий раз не нажимаю.
Нет смысла.
Связи нет.
Это не диагноз.
Не заключение.
Не свидетельство смерти.
Это всего лишь отсутствие сигнала между двумя аппаратами.
Я знаю.
Я умная женщина.
Врач.
Привыкла отличать факт от предположения.
Но сердце не интересуется фактами.
Оно знает только, что Яр не ответил.
Снова.
Я сжимаю телефон так сильно, что края корпуса впиваются в ладонь.
— Где же ты? — спрашиваю тихо.
Ответа нет.
Телефон хочется бросить в стену.
Вместо этого я аккуратно кладу его на стол.

Экраном вверх.
Вдруг сообщение всё-таки пройдёт.
Опускаюсь на диван. Подушка пахнет чужим шампунем, медицинским спиртом и пылью.
Здесь спали десятки людей, иногда по двадцать минут, иногда по пять.
Я ложусь, не снимая костюма.
Закрываю глаза.
Не плачу.
Плакать долго.
А у меня действительно только полчаса.
Но внутри словно кто-то медленно выкручивает тугой жгут. Боль не острая. Глухая, давящая, не отпускающая ни на секунду.
Я прижимаю согнутый палец к губам и глубоко вдыхаю.
Ещё раз.
Яр жив.
Пока нет доказательств обратного — жив.
Это не самообман.
Рабочая гипотеза.
Утром я свяжусь с его командованием.
Не буду больше ждать.
Потребую информацию.
Найду номер штаба, подниму начмеда, доберусь до кого угодно.
Утром.
Как только наступит утро.
Я не успеваю понять, заснула ли, как...
— Носилки! Быстро!
Голос пререзает ординаторскую.
Я открываю глаза.
Секунду не понимаю, где нахожусь. Потом привычный гул генератора складывается с новыми звуками.
Топот.
Стук колёс.
Короткие команды.
— Борт сел! Тяжёлые!
Я уже на ногах.
Телефон остаётся на столе.
Выбегаю в коридор, на ходу поправляя форму.
Отделение просыпается мгновенно, хотя никто здесь по-настоящему и не спал.
Каталки вытаскивают к приёмному входу. Медсестра пила. Она тут же бросает стакан на подоконник — он опрокидывается, вода стекает на пол. Никто не вытирает. Некогда.
Санитар прижимает дверь к стене, освобождая проход.
С улицы тянет холодным воздухом, авиационным топливом и кровью.
Я слышу вертолёт.
Винты ещё не остановились. Низкий тяжёлый грохот давит на стёкла и отдаётся в грудной клетке.
Максим уже у входа. В руках у него эвакуационная карточка первого раненого.
— Света, готовься на операцию. Предварительно повреждение магистрального сосуда.
— Какого?
— Пока неясно. Осколочное в левую подвздошную область, нестабильная гемодинамика.
— УЗИ?

— Нет УЗИ. Есть растущая забрюшинная гематома. На КТ не повезём.
Правильно.
С таким давлением КТ не нужно. Нужна операционная.
— Сосудистый набор готовить, — бросаю Оле. — Протезы шесть и восемь миллиметров.
Шунты. Кровь заказывайте сразу.
— Уже.
Первого раненого вносят в сознании.
Он стонет, держится за живот, пытается согнуть ноги.
На лицо надета кислородная маска.
— Давление?
— Девяносто на пятьдесят. Пульс сто двадцать.
— В первую смотровую, — командует Максим. — Хирурга туда.
Следом ввозят второго.
Лицо и шея в крови, но глаза открыты.
— Осколочное мягких тканей, перелом предплечья, состояние стабильное!
— Во вторую смотровую. Обезболивание, рентген, обработка. Травматолог.
Третья каталка появляется в дверях.
— Тяжёлый! — кричит сопровождающий врач, перекрывая шум вертолёт. — Минно-взрывная. Осколочное живота. Геморрагический шок. Сознание угнетено!
Я ещё не вижу лица.
Только край окровавленного термоодеяла.
Грязные форменные брюки.
Руку, свесившуюся с каталки.
Большую.
Сильную.
Со сбитыми костяшками и старым белым шрамом у основания большого пальца.
Я знаю этот шрам.
Но если он еще может быть совпадением, то...
На безымянном пальце гладкое широкое кольцо.
Такое же, как у меня.
В первое мгновение мозг отказывается соединить детали.
Рука.
Шрам.
Кольцо.
Не может быть.
Он не должен быть здесь.
Я приехала спасать его людей.
Ждать его.
Искать.
Но не встречать вот так.
Каталку разворачивают.
Я вижу ботинки.
Тёмную от крови форму.
Повязку в левой подвздошной области, пропитанную насквозь.
Потом лицо.
Мир проваливается.
Не темнеет.
Не кружится.
Просто исчезает всё, кроме него.

Серое лицо.
Кровь в волосах.
Ссадина через скулу.
Кислородная маска, под которой при каждом неглубоком вдохе появляется и пропадает влажный туман.
— Яр...
Голос едва выходит.
Его веки дрожат.
Он издаёт тихий хриплый стон, пытается повернуть голову.
Живой.
Господи.
Живой.
Но настолько близко к смерти, что у меня подкашиваются ноги.
— Яр!
Я бросаюсь вперёд.
Хватаю его за руку.
Пальцы холодные.
Не просто прохладные — холодные, влажные, без привычной силы.
— Ветров! Буран! Ты меня слышишь?
Ресницы вздрагивают.
И мне на секунду кажется, что он узнал голос.
Что сейчас откроет глаза.
Скажет:
«Светлячок?»
Но лицо остаётся неподвижным.
На мониторе частый сигнал.
— Давление?
— Пятьдесят на тридцать. Пульс сто сорок восемь. На борту начал терять сознание. Введён транексам. Давление не удерживается. Пульс на левой бедренной не определяется.
Всё.
Информация мгновенно выстраивается в голове.
Осколочное ранение.
Левая подвздошная область.
Растущая забрюшинная гематома.
Геморрагический шок.
— Яр! — я больше ничего не в состоянии вымолвить.
Меня трясёт, я словно захлебываюсь воздухом.
Максим хватается меня за предплечье.
Не удерживает.
Возвращает в настоящее.
— Света, посмотри на меня.
Я поднимаю глаза.
— Ты можешь оперировать?
Вопрос звучит жёстко.
Правильно.
Сейчас ему не нужна жена Бурана. Ему нужен сосудистый хирург, у которого не задрожат руки после первого разреза.
Я смотрю на Яра.
На холодные пальцы в своей ладони.

На кровь, которая медленно проступает по краю повязки.
Отпускаю его руку.
— Могу.
— Уверена?
— Да.
Голос не срывается.
— Тогда мойся. Немедленно. Другого сосудистого хирурга у меня нет!
Я киваю.
И делаю шаг к операционному блоку.
Как вдруг у самых дверей сзади с грохотом распахивается вход.
— Ярослав!
Женский голос.
Молодой.
Сорванный от крика.
— Полковник Ветров! Он жив? Пустите меня!
Я оборачиваюсь.
В коридор вбегает девушка. Волосы растрёпаны, лицо мокрое от слёз.
Она замечает каталку и бросается к ней.
— Девушка, остановитесь! — санитар встаёт поперёк прохода.
— Ярослав!
— В операционный блок нельзя.
Максим перехватывает её за плечо.
— Посторонним здесь находиться запрещено. Выйдите из коридора.
Она дёргается, пытаясь обойти его.
— Я не посторонняя!
— Сейчас же выйдите.
— Я своя! — почти визжит она. — Вы не понимаете! У нас с ним будет ребёнок!
.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.